

A composite image featuring a man with a beard and a woman holding a baby. The man is in the upper half, looking intensely at the camera with his hand under his chin. The woman and baby are in the lower half, with the woman looking down at the sleeping baby. The background is a soft-focus indoor setting with blue and white tones.

РАЗВОД. НАВСЕГДА *(не)* МОИ

АНЯ ВЪЁРИ

Аня Вьёри

Развод. Навсегда (не) мои

«Автор»

2026

Вьёри А.

Развод. Навсегда (не) мои / А. Вьёри — «Автор», 2026

– Да ты же просто инкубатор. – почти ласково, но брезгливо произносит она, кривя идеально накрашенные губы. — Что ты так смотришь? Ты правда думала, что он будет твоим? Навсегда? Очень ухоженная дрянь модельной внешности стоит посреди моей прихожей. Моей. В моём доме. – Да он никогда и не любил тебя! – баба напирает, делая шаг вперед, – Ему этот ребенок нужен был только ради должности! – она кивает на мой выпирающий живот, – Что? Не знала? Ну так знай! А я, растерянная, прижимаю руки к своему круглому животу – Сейчас здесь я! – продолжает она, – Этот мужчина со мной! А значит, и дом этот мой! И толкает меня. Сильно. Я оступаюсь. Пятка соскальзывает. И мир очень противно съезжает на бок.

© Вьёри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Аня Вьёри

Развод. Навсегда (не) мои

Пролог

Ася

– Да ты же просто инкубатор, – почти ласково, но брезгливо произносит она, кривя идеально покрашенные губы. – Что ты так смотришь? Ты правда думала, что он будет твоим? Навсегда?

Очень ухоженная дрянь модельной внешности стоит посреди моей прихожей. Моей. В моем доме.

Рядом с моими кроссовками ее лабутены. На вешалке – светлый плащ, под которым, судя по всему, ничего не было.

Потому что и сейчас не ней ничего нет.

Ничего.

Обнаженная баба и позади нее такой же обнаженный мой муж.

Мой?

Муж?

Вся эта ситуация до того омерзительна, что меня начинает трясти. Сначала мне кажется, что от гнева...

– Да он никогда и не любил тебя! – баба напирает, делая шаг вперед. – Ему этот ребенок нужен был только ради должности! – она кивает на мой выпирающий живот. – Что? Не знала? Ну так знай!

Меня прошибает холодом. Настоящим. Ледяным.

Хотя в квартире тепло. Душно даже.

Ладони потеют так, что моя сумка чуть не выскальзывает из рук.

Низ живота неприятно тянет, и от этого внутри мгновенно поднимается паника.

Нет. Только не это! Нельзя! Нет!

Я начинаю прерывисто дышать, ищу взглядом его... Того, кто мог бы мне помочь. Того, кому должно быть не все равно...

Муж стоит у окна.

Не подходит.

Не одергивает свою любовницу.

Ничего не пытается объяснить.

Не спрашивает, почему я побледнела.

Просто стоит и смотрит так, будто все это... немного неприятно.

И именно его бездействие добивает меня сильнее всяких слов.

Да.

Я не ошиблась.

Все именно так.

– Убирайся отсюда, – вдруг шипит девица и толкает меня в грудь обеими руками.

Я даже не сразу понимаю, что произошло.

Просто отступаю на шаг.

Воздух в легких сбивается.

А в голове вспыхивает нелепое, дикое: что значит – «убирайся»?

Это мой дом.

Мой.

– Снежан, не перегибай палку, – бросает Илья с тем ленивым раздражением, с каким делают замечание слишком шумной собаке.

А меня будто наотмашь ударили.

Только теперь не эта баба.

Он.

И в ту же секунду живот скручивает такой болью, что у меня темнеет в глазах.

Поперек. Резко. Жестко.

Так, что я забываю и про нее, и про него, и про этот проклятый дом.

Рано. Слишком рано!

Господи, только не сейчас!

Только не с ребенком.

Только не...

– Нет... – шепчу я, прижимая обе ладони к круглому, тяжелому животу.

– Да! – почти с восторгом выкрикивает она. – Сейчас здесь я! Этот мужчина со мной!
А значит, и дом этот мой!

И толкает меня снова.

На этот раз сильнее.

Я оступаюсь. Пятка соскальзывает. И мир очень противно съезжает набок.

.

Глава 1

Ася

За пару часов до этого...

– Анастасия, как вы себя чувствуете? – рокошет в трубке знакомый бас.

Я на секунду прикрываю глаза.

Если честно, это внимание к моей персоне уже не просто напрягает. Оно начинает пугать.

Потому что беспокоятся тут не обо мне, а о том, кто у меня под сердцем. О той... У меня девочка.

Когда врач это сказала, я улыбалась так, что щеки болели. А Илья... Илья тогда на миг замолчал. Совсем на миг. Но я все равно заметила.

Сын его бы устроил больше.

Впрочем, довольно быстро выяснилось, что его отцу пол будущего ребенка вообще не важен. Лишь бы был.

– Спасибо, Михаил Евгенич, все хорошо, – улыбаюсь в телефонную трубку, стараясь сохранять дружелюбный тон.

– Что сказали врачи? – теплота практически исчезает из голоса магната.

Появляются требовательные, стальные нотки.

И вот уже никакой теплоты.

Ни намек на заботливого родственника.

Только деловитая, стальная требовательность человека, привыкшего получать отчет по первому запросу.

Я машинально кладу ладонь на живот.

– Ну... вам же и так присылают все из клиники?

Я не хочу играть в эту игру.

Вообще не хочу.

Этот человек нарушает все мыслимые границы так уверенно, будто границ не существует вовсе. Когда я узнала, что клиника присылает ему отчет после каждого приема, я была в шоке.

Вторым шоком было то, что мужу было на это плевать. Ему было совершенно неинтересно, как проходит беременность. А учитывая, что на ребенке настаивал он...

Но он сильно отстранился. И даже не пытался оградить меня от своего отца.

В их семье, наверное, так принято. Спрашивать. Проверять. Контролировать. Владеть.

Но со мной так нельзя.

И свекор должен это понять.

– Да, конечно, – моментально меняет тон он. – Но там слишком много терминов и слишком мало про твое самочувствие или настроение! – свекор выдавливая из себя смешок. – А мне, знаешь ли, важно, чтобы с моей девочкой было абсолютно все хорошо!

«Моей девочкой»?!

У меня внутри все холодеет.

Не сильно. Не до дрожи. Но достаточно, чтобы пальцы крепче сжали телефон.

Моей?

С каких это пор?

– С моим настроением все в порядке, – отвечаю бодро, даже чересчур бодро. – Я очень жду свою дочь.

Я нарочно делаю ударение на слове «свою».

На том конце на секунду повисает тишина.

Такая короткая, что другой бы и не заметил.

Но я замечаю.

– Ну и славно, – мягко произносит магнат. Слишком мягко. – Береги себя, Ася. Сейчас это главное.

Сейчас.

Не я.

Не мое спокойствие.

Не мое здоровье даже.

А то, что я должна доносить, сохранить, передать.

– Извините, мне уже пора. У меня занятие в школе для беременных.

– Да-да, конечно. Поезжай, дорогая.

Я сбрасываю вызов, еще несколько секунд смотрю на потухший экран, а потом медленно закрываю глаза.

Уф!

Человек, способный одним росчерком уничтожить чей-нибудь бизнес, отжать завод и пустить под откос десятки судебных, вдруг разговаривает со мной голосом доброго дедушки.

От этого почему-то еще противнее.

Я убираю телефон в сумку и невольно снова накрываю живот ладонью.

Сколько же надо терпения, чтобы все это вынести...

Я почти понимаю Илью. Проще подсунуть таким родственничкам чужого ребенка, чем честно сообщить о проблеме...

.

Глава 2

Ася

После звонка свекра и без того противный день стал казаться серым и слякотным. А до занятия еще довольно много времени.

Я осматриваюсь в поисках чего-нибудь симпатичного, и взгляд сам собой падает на кофейню.

«Тебе нельзя!» – проговаривает внутри мерзкий голос с интонациями свекрови.

«Да щас!» – возмущенно восклицает все так же внутренний, но теперь уже мой собственный голос, и я решительно толкаю дверь кофейни.

Внутри пахнет корицей, молоком и чем-то сладким, от чего жизнь моментально начинает казаться чуть более выносимой.

– Тыквенный латте, будьте добры! – заказываю я баристе, мстительно думая, как быстро свекру доложат, что нерадивая невестка посмела выпить кофе.

Потом совесть все же возвращается ко мне, я вздыхаю, глажу животик:

– Без кофеина, – добавляю с улыбкой.

Бариста молча набирает порошок из банки «декаф».

Меньше чем через две минуты я получаю теплый ароматный напиток с крепкой молочной пенкой, прищуриваюсь, вдыхаю в предвкушении, подношу стакан ко рту и...

В эту минуту у меня звонит телефон.

– Ась! – соседка. Ирка.

Ирка была из тех женщин, у которых семь пятниц на неделе, двадцать пять дел в час и ни одной свободной минуты никогда. Работала она на телевидении, вечно куда-то неслась, знала всех, все и сразу, но при этом стабильно ничего не успевала.

– Я! – отзываюсь бодро.

– Ася, у тебя нет случайно одноразового кондитерского мешка? – тщательно выговаривая слова, спрашивает соседка.

И тут же скороговоркой добавляет:

– Вот только не спрашивай зачем!

Я так и замираю с открытым ртом!

Если честно, именно это я и собиралась спросить, потому что представить Ирку, украшающую тортики, не в состоянии даже мой беременный мозг.

– Слушай, я не помню, – тяну медленно, – многоразовый точно есть, а вот одноразовый...

– Слушай, ну посмотри, а? Очень надо! – хнычет мне в трубку очень влиятельная дама.

– Ну, домой вернусь, посмотрю, – киваю.

– В смысле? – удивленно ахает Ирка. – Ты же дома! У тебя же там...

И тут она запинаясь. Замолкает. Настолько резко, что я даже отнимаю телефон от уха и смотрю на экран, будто это может что-то объяснить.

– Так, ну ладно! Как приедешь, позвони, – быстренько сворачивает разговор моя неугомонная Иринка.

– И-ир? – переспрашиваю уже без шуток.

– Ась, я спешу, как обычно, я потом...

– Ира! – требую громче. – С чего ты решила, что я дома?

– Да ни с чего! – выпаливает она неестественно быстро. – Ошиблась, обозналась, все, мне пора! Целую крепко, твоя репка! Люблю, жду, пишите письма, высылайте деньги!

И эта сумасбродная женщина отбивает звонок, оставляя меня в полном недоумении.

– Так! – произношу я строго, глядя на дисплей телефона.

До занятия в клубе беременных осталось меньше двадцати минут.

Но я вряд ли сейчас смогу практиковать глубокое ровное дыхание с должным энтузиазмом, так что...

– Я возьму крышечку, – улыбаюсь баристе, накрываю свой бескофеиновый латте и возвращаюсь в машину.

Пожалуй, сейчас я поеду домой.

.

Глава 3

Ася

Не стоило.

Это пространное выражение вполне могло стать девизом сегодняшнего дня. Или месяца. Или всей моей жизни.

Черт возьми, не стоило слушать Ирку, не стоило срываться домой и не стоило так резко выворачивать руль, влетая на треху!

Тыквенный латте, грустно чавкнув, выплескивается из подстаканника вместе с неплотно закрытой крышечкой, меня пробивает холодный пот, я резко выворачиваю руль, рядом раздаётся дикий вой клаксона, и оскорбленно замирает большая черная машина!

– Да блин!

Только не сейчас.

Только не авария.

В зеркало заднего вида я вижу, что из черной машины выходит высокий широкоплечий мужчина.

Черное полупальто, распахнутый ворот, быстрые, точные движения человека, который не привык суетиться даже в момент неприятностей.

Он захлопывает дверь, скользит взглядом по своему крылу, по моему бамперу и только потом по мне.

Взгляд у него цепкий. Спокойный до неприличия.

Почему-то под этим взглядом очень хочется вытянуться по стойке смирно и отвечать по существу.

Я подхватываю сумку, выпрыгиваю из салона.

– Я вас задела? Что повреждено? У вас есть КАСКО?

Мужчина недоуменно оборачивается.

Твердый подбородок, жестко сжатые губы...

– Я заплачу! – лезу в сумочку за наличными, достаю что-то в спешке. – Позвольте! Мне очень надо ехать, но я...

– Машины целы, – перебивает меня он. – А вот к водителю есть вопросы.

– В смысле? – я теряюсь, не понимая его фразы.

– Вы в порядке? – спрашивает мужчина меня не громко, но очень весомо.

– Ч-что? – недоуменно распахиваю глаза.

– Вы очень резко затормозили, вы в порядке? – настойчиво переспрашивает он, глядя на мой живот.

– А... – прикладываю ладонь.

И вдруг становится горько.

Мой живот. Всем сейчас важен только он. И совершенно не важна я.

– У вас что-то... – он взмахивает рукой. – Точно не нужна помощь?

Черт! Латте! Я и не заметила! У меня брюки испачканы! Сбоку, слава богу. Не по центру!

– Нет-нет, это... – глупо усмехаюсь, оглядываюсь.

– Давайте я вас отвезу, вам не надо сейчас за руль!

Я поднимаю недоуменный взгляд.

Совершенно посторонний мужик, которого я подрезала на дороге... Он заботится обо мне едва ли не больше собственного мужа!

– Я... – качаю головой. – Нет, спасибо, – взмахиваю руками, забыв, что в них сумочка.

– Тут близко, я домой. Я почти приехала.

– Стоп! – вдруг резко командует он.

В его взгляде появляется что-то яркое, живое, требовательное. И я, почти против своей воли, подчиняюсь.

– В смысле? – распахиваю глаза.

– Вдох – выдох и медленно сосчитать до десяти! – совершенно серьезно произносит он.

– Без этого за руль не пущу.

– Почему? – пытаюсь возмутиться я.

– Потому что! – его тон не подразумевает возражений. – Вызову ДПС, заявлю, что вы скрылись с места ДТП, и поедете уже не в моей, а в патрульной машине.

– Ха! – вскидываю брови, поражаясь его наглости и в то же время уверенности.

– Раз, – начинает он, не спуская с меня взгляда.

– Два, три... – киваю ему.

И меня правда отпускает. Тело расслабляется, по спине пробегает теплая волна, и даже дышать становится проще.

И он замечает это. Конечно, замечает. Вижу это по едва дернувшимся в теплой улыбке уголкам его губ, по озорным искоркам, вдруг появившимся в глазах...

– Спасибо вам, – качаю головой.

– Берегите себя, – совершенно серьезно произносит мой случайный знакомый и вдруг сжимает мне руки.

Не пожимает, а накрывает своими ладонями сверху. Теплыми, сильными, надежными...

– Я уверен, вы сейчас всем очень нужны.

Грустно улыбаюсь, киваю ему, разворачиваюсь и возвращаюсь за руль.

И в тот же момент снова становится тревожно. И совершенно иррационально хочется вернуться к нему.

Неправильно.

Нелогично.

Злюсь сама на себя и, уже не оборачиваясь, вжимаю педаль газа и выворачиваю руль.

Домой.

Все будет в порядке.

Я еду домой.

Только вот делать этого не стоило...

Потому что первое, что я вижу – дверь в квартиру не заперта.

.

Глава 4

Ася

Я понимаю, почему Ирка решила, что я дома.

Даже через закрытую дверь слышна музыка. Громкая, обволакивающая, не оставляющая сомнений, что эта песня для двоих. Под такую музыку не танцуют.

Я медленно вхожу, уже понимая, что то, что я увижу, мне не понравится.

Но...

Я даже предположить не могла! Насколько же мерзко!

В кресле сидит женщина.

Я ее не знаю, никогда не видела.

Высокая, жилистая, какая-то голенастая... Холодная, спокойная, равнодушная.

Даже белые, выжженные волосы, скорее, играют на ее образ ледяной королевы. Даже презрительно искривленные слишком яркие губы...

Хозяйка. Повелительница. Госпожа.

На ней ничего нет, но самое отвратительное даже не это.

Илья.

Мой муж.

Он стоит на коленях перед ней. И целует пальцы ее ног. Самозабвенно, неистово, жадно... С каким-то унижительным, почти болезненным усердием.

Это настолько мерзко, что я забываю, как дышать. Горло перехватывает. Комок встает намертво – я не могу его сглотнуть.

Не могу сказать ни слова.

Даже пошевелиться не могу.

Муж настолько поглощен этим действием, что даже не замечает меня.

А вот она замечает.

И самодовольно, я бы даже сказала, высокомерно ухмыляется.

– Илья! – выдыхаю я и тут же зажимаю себе рот ладонью, пытаюсь приостановить то ли крик ужаса, то ли приступ тошноты.

– Что тебе здесь надо?! – спрашивает она с ледяным спокойствием.

Напористая, наглая, утрированно властная.

Встает, подходит... Даже не пытаюсь прикрыться. Словно она тут хозяйка. Словно это ее дом. И ее мужчина...

У меня не остается ни малейших сомнений в том, что здесь происходило.

Я делаю шаг назад... Не от страха, нет! Скорее, пытаюсь отстраниться от этой мерзости.

Муж встает, отворачивается к окну.

Ему не стыдно. Его не мучает совесть. Он раздосадован.

– Здесь сейчас нахожусь я! – кричит на меня эта дрянь и толкает!

Она выталкивает меня из собственного дома!

– Что происходит?

Я едва не теряю равновесие, еле удерживаюсь за ручку двери...

– Снежана! – приостанавливает ее Илья. – Не надо.

Но он и не думает заступаться.

Нет.

Он просто не хочет скандала.

– Уходи, – муж поджимает губы и отводит взгляд. – Я найду тебя позже, и обо всем поговорим.

– Нам больше не о чем разговаривать, – произношу, борясь с отвращением.

– Это тебе так кажется! – воинственно вскидывает голову Илья. – Только попробуй рыпнуться! И ты потеряешь все.

– Мне ничего от тебя не нужно! – выкрикиваю, делая шаг назад.

– Да? – противно ухмыляется тот, кто давал мне клятвы верности. – А ребенок?

– Ребенок не твой! – слова вылетают раньше, чем я успеваю подумать.

А вот Илья успевает. Он явно уже все обдумал. В его глазах появляется устрашающий блеск, его голос становится тихим, рокошущим. Очень напоминающим голос его отца...

У меня по спине пробегает дикий, ледяной ужас.

Сейчас передо мной не тот умный, пусть сдержанный, но надежный мужчина, которому я однажды решила доверить себя. Сейчас передо мной холодный, расчетливый, равнодушный делец...

Такой, который будет зубами выгрызть нужные ему условия.

И я не на его стороне...

– Именно поэтому, – цедит муж, подходя почти вплотную, – ты никому ничего не скажешь! Потому что хоть одно слово из твоего миленького ротика, и я заявлю всем, что ты мне изменила! Ребенка нагуляла! И теперь пытаешься меня очернить!

– Ты... – я задыхаюсь, еле сохраняя вертикальное положение. – Ты не посмеешь! Ты не сможешь! – выкрикиваю. – В клинике есть договор! Ты подписывал согласие!

– Да? – спокойно вскидывает брови мой муж... Мой абсолютно бесплодный муж. – Точно есть? Ты проверяла?

И в этот миг мой мир рушится.

Все плывет перед глазами, и земля уходит из-под ног.

Я почти на сто процентов уверена, что он смог все изъять. Он сын своего отца. Не так масштабно, но он умеет. Я никому ничего не докажу.

– Но ты же... Ты... – произношу из последних сил.

– Что я?! – кривится Илья, и его лицо вдруг становится попросту безобразным. – Мне нужно положение в обществе. Статус. А для этого мне были нужны жена и ребенок! Вывеска. Витрина, – ухмыляется муж. – Попробуешь это изменить, я тебя уничтожу! А сейчас – прочь! Ты здесь лишняя!

Я делаю шаг назад... Еще один... И вдруг мне становится настолько жутко, настолько страшно, что я просто пускаюсь вниз по лестнице.

Бегом это сложно назвать, я все же на девятом месяце, но я спешу, как могу спешу, мне кажется, если я останусь там еще хотя бы на минуту, то я погибну. И я, и моя малышка...

Быстрее, прочь. На волю! На свободу! Исчезнуть!

Выбегаю на улицу, глаза застилают слезы, я не вижу и не чувствую ничего, кроме сжавшейся в комок малышки у меня под сердцем!

И вдруг!

– Ох...

Я натыкаюсь на чью-то широкую грудь!

– Ну вот! – хмыкает отчего-то знакомый мужской голос. – Вы все-таки в меня врезались!

.

Глава 5

Ася

Меня трясет, тошнит... И совсем не от беременности. Все внутри скрутилось в тугой узел, я, кажется, уже не понимаю, где нахожусь...

– Эй!

Мужчина, в которого я врезалась, хмурится, ловит мои запястья, пытается заглянуть мне в лицо.

Ладони у него крепкие, теплые. Не грубые, но уверенные. Он держит так, будто не собирается причинять боль, но и не позволит мне вырваться и рухнуть на землю.

– Да вы сейчас в обморок грохнетесь! Это же ваш дом? Тут есть родные?

Слова доходят не сразу. Я смотрю на него, моргаю, все расплывается, будто я смотрю через воду.

Чужое лицо. Чужой голос. Чужой человек. И почему-то именно этот чужой человек сейчас оказывается ближе всех.

– Н-нет... – кручу головой. – Никого нет...

Ложь выходит слабой, почти детской. И от этого становится мерзко. Потому что я вру не ему – себе. Родные есть. Муж. Тут. Наверху. Буквально в паре этажей над нами.

И от мысли, что Илья совсем рядом, становится еще хуже.

Я будто снова слышу ту музыку. Глухую, вязкую, тягучую. Слышу ее даже здесь, на улице, хотя это невозможно. И вместе с ней – собственный стук сердца, такой сильный, что в висках отдается болью.

Я боюсь. Я просто панически боюсь оглянуться, увидеть его в окне. В том окне, для которого сама же выбирала занавески. В окне квартиры, которую считала своим домом. В которой делала комнату для своего ребенка.

Ребенка? Он отберет. Мою дочь...

Нет! Не позволю! Надо идти!

– Мне надо ехать! – пытаюсь отстраниться. – Вы тут зачем? Я вас задела? Вам нужны деньги? Я возьму... – тянусь к своей сумке.

Голова абсолютно отказывается думать, все происходящее не помещается ни в одну систему, которую можно было бы назвать нормальной, мир рушится... Даже нет. Не так. Он уже рухнул. И грозит задавить меня обломками.

– Да успокойтесь вы со своим возмещением! – произносит мужчина раздраженно. – Вот! – мне в руки ложится бумажка, которая кажется почему-то знакомой. – Похоже, у вас из сумки упало... Я с дороги подобрал.

Смотрю на лист.

Боже! Направление из поликлиники! Я же наблюдаюсь на коммерческой основе! Я и забыла про эту бумажку, которая лежала в сумке уже месяца два!

– Там ваш адрес, я подумал, что это штука важная... – мужчина пожимает плечами.

Он говорит почти неловко. Будто сам не знает, зачем вообще продолжает стоять рядом со мной. Будто уже понял, что вляпался во что-то чужое, очень личное и совершенно точно неприятное, но по какой-то причине еще не ушел.

А я поднимаю на него измученный, обреченный взгляд...

– Да, конечно! – пытаюсь улыбнуться я.

Улыбка получается такой жалкой, что лучше бы ее не было вовсе. Губы дрожат. Кожа на лице будто онемела.

Смотрю на бумажку направления.

Это должен был быть второй скрининг.

И от этой мысли меня вдруг пробирает насквозь. Второй скрининг. Важный. Тот, про который женщины потом рассказывают мужьям, показывают снимки, всматриваются вместе в распечатки, спорят – на кого похож малыш. Господи!

И я вдруг думаю, что Илья не сопровождал меня ни на один из них. И не спрашивал результаты... И...

Сначала он был занят. Потом устал. Потом у него были встречи. Потом я сама перестала напоминать, потому что каждый раз видела на его лице одно и то же выражение: вежливое раздражение человека, которого отвлекают ерундой.

Перед взором всплывает скрюченная фигура мужа у женских ног...

Даже сейчас мне не хочется верить, что это было по-настоящему. Что я действительно это увидела. Что не ошиблась. Не надумала. Что колени на полу были его. Что руки – его. Что голос – его. Моего мужа.

И его слова: «Мне нужен был статус! Витрина!», «Только рыпнешься – уничтожу!»

Эти слова врезаются в меня снова. Не как воспоминание – как повторный удар. Как если бы он сейчас стоял рядом и шептал это мне прямо в ухо.

Все внутри скручивается, тянет, ноет, я чувствую, что падаю и...

На секунду мне кажется, что я еще держусь. Что сейчас вдохну, моргну, выпрямлюсь. Но тело уже решило за меня. Ноги становятся ватными, колени подгибаются, земля уходит куда-то вбок.

Просту повисаю на руках незнакомца.

– Эй, эй! – он очень бережно подхватывает меня. – Давайте скорую?

Смотрю на этого мужчину. Вижу его уверенный взгляд. Чувствую тепло его горячих сухих ладоней на плечах...

И мои губы сами собой произносят:

– Помогите мне... Пожалуйста!

А дальше перед взором становится темно...

Темнота оказывается не мягкой, не спасительной. Она шумит, гудит, качается. Где-то в ней хлопают двери, скрипят колеса, кто-то говорит громко и уверенно, не оставляя пространства для паники.

Прихожу в себя от резкого запаха и ощущения тряски...

– Быстро! В отделение! Что с давлением?

Взгляд постепенно обретает четкость, будто кто-то наводит резкость вручную. Я различаю женщину в синей медицинской форме и все того же мужчину...

Она уткнулась носом в планшет и кажется почти безразличной, а он смотрит на меня напряженно, обеспокоенно.

Понимаю, что я лежу на каталке.

– Вы муж? Нужны ее документы! СНИЛС, полис... Юра, грузим!

От слова «муж» меня резко накрывает паника, и я порываюсь встать, но не успеваю.

Каталка резко поднимается, лязгает металл, и я оказываюсь в кузове кареты скорой помощи.

И он, тот, кого я, сама того не желая, втянула в свои неприятности, ловко запрыгивает в кузов скорой и садится рядом со мной.

Без вопросов. Без сомнений.

Почему-то именно это действует успокаивающе. То, что этот мужчина не ушел. И я сейчас не одна. Глупо. Не знаю даже его имени, но четко знаю – я не одна.

– Вы... – хриплю тихо, стискивая его рукав.

– Пришла в себя! – произносит он громко.

Только, к моему счастью, фельдшер не видит и не слышит его сейчас. Она что-то обсуждает с водителем, уткнувшись в планшет.

– Пожалуйста! – я вижу в его руках мою сумку. – Не отдавайте документы... Нельзя! Мне нельзя! Умоляю!

В его глазах сомнение, в моих – паника.

Он явно что-то хочет спросить, но тут фельдшер оборачивается:

– Нашли ее СНИЛС?

– Нет! – произносит твердо мой спаситель, отодвигая сумку чуть дальше. – Все документы дома, я потом привезу. Пока могу просто продиктовать данные.

Он переводит взгляд на меня.

Твердый. Спокойный. И одновременно требовательный.

И ровным голосом произносит:

– Михайлова Анна Сергеевна, две тысячи первого года рождения.

– Где наблюдается беременность? – не поднимая взгляда, спрашивает фельдшер.

– У меня корпоративная страховка, – коротко пожимает плечами он. – И на жену тоже распространяется.

И в этот момент я встречаюсь с ним взглядом.

.

Глава 6

Ася

– Значит так... – без лишних вступлений начинает мой спаситель, едва мы остаемся одни. Мы находимся в приемном покое частной клиники. Он заплатил фельдшеру и водителю. Они оформили отмену вызова, а нас отвезли... Вот... Не знаю куда. И это хорошо, что не знаю. Значит, ни мой муж, ни мой свекор тоже не знают.

А вот мой спаситель совершенно точно не хочет быть в неведении.

Он сел напротив меня, взгляд решительный, губы поджаты.

Бескомпромиссный. Не знаю почему, но именно это слово мне приходит на ум.

– Меня зовут Михайлов Владислав Дмитриевич. Можно просто Влад, – произносит он почти официально. – Ваше имя?

– Ася, – выдыхаю едва слышно.

И тут же по его лицу понимаю: нет, этого мало.

Недостаточно.

Он слишком много для меня сделал, чтобы теперь довольствоваться полуправдой.

– Пашницкая Анастасия Игоревна, – торопливо добавляю я. – Можно просто Ася.

И почему-то краснею.

Глупо, совсем не вовремя, но все равно краснею – как школьница, которую поймали на чем-то стыдном. Не страшном. Просто таком, о чем очень не хочется говорить вслух.

– Итак, Анастасия Игоревна... – Влад опирается локтями на колени, сцепляет пальцы в замок. – Я слушаю.

Жмуюсь.

Он прав. Конечно, прав. После всего, что произошло, он имеет право понимать, во что именно оказался втянут.

Только как это рассказать?

Как вообще можно произнести такое вслух, если я сама до сих пор не в состоянии это уложить в голове?

– Понимаете... – начинаю тихо, глядя куда-то мимо него. – Я приехала домой, а там муж... не один...

Голос предательски срывается.

Влад резко выдыхает сквозь зубы. На скулах заходили желваки.

– Понял, – коротко говорит он. – И вы поэтому сбежали?

Я вскидываю на него глаза.

Нет, не понял.

Совсем не понял.

– Я не сбежала... – шепчу, и в ту же секунду сама слышу, как жалко это звучит. – То есть сбежала... Но не поэтому... Там все не так...

Он молчит. Просто смотрит.

Слишком внимательно. Слишком прямо.

И от этого молчания мне почему-то еще страшнее, чем от вопросов.

– Я увидела его с другой женщиной, – выдавливаю с трудом. – А потом... потом он сказал...

Горло сводит.

Мне опять чудится музыка. Та самая. Тягучая, липкая, омерзительная. И Илья у окна. И эта белобрысая дрянь в моей прихожей. И слова. Господи, эти слова...

– Он сказал, что я ему не нужна, а вот ребенок нужен, – шепчу я. – Ради статуса. Ради картинки.

Взгляд Влада меняется.

Становится темнее.

Опаснее.

– Я не дам ему отобрать мою девочку, – прижимаю руки к животу, сами собой вырываются всхлипы. – Она моя, только моя.

– Ну... – Влад хмурится, откашливается. – Она и его.

– Нет! – выкрикиваю, уже, кажется, потеряв способность думать. – Она только моя! Это ЭКО!

За доли секунды взгляд Влада меняется от непонимающего до ошарашенного. Он качает головой, закрывает глаза.

– Ладно, сейчас еще рано об этом переживать, пока ребенок не родился...

Договорить он не успевает.

Низ живота у меня вдруг стискивает так резко, так страшно, что темнеет в глазах.

Не тянет.

Не ноет.

Скручивает.

Схватывает.

Словно внутри меня кто-то с силой затягивает раскаленную проволоку.

– А-а... – воздух вылетает из груди сам.

Я сгибаюсь почти пополам и слепо хватаюсь за первое, до чего могу дотянуться.

За его руки.

За его запястья.

Теплые. Крепкие. Живые.

– Господи... – выдыхаю я. – Больно...

Меня прошибает потом.

Перед глазами все дрожит, плывет. В животе снова сжимается – уже сильнее, глубже, так, что я не могу ни вдохнуть, ни выпрямиться.

– Ася! – голос Влада вдруг оказывается совсем близко. – Какой у вас срок? Это схватки?

Я мотаю головой, не сразу понимая вопрос.

– Тридцать семь... – выталкиваю сквозь стон. – Тридцать семь недель... Рано... Господи, рано...

– Врача! – рывкает он так, что у меня звенит в ушах. – Срочно сюда врача!

И тут же снова ко мне, уже ниже, уже только для меня:

– Ася, смотри на меня. Дыши. Давай. Вдох... выдох... еще раз...

Он сжимает мою ладонь, и я цепляюсь за этот голос, за эту руку, за него самого так, будто без этого просто развалюсь на части.

Кто-то подбегает. Шаги. Голоса. Резкий запах антисептика.

– Так, убираем ее на кушетку! Осторожно! – командует женский голос.

Меня трогают, поворачивают, куда-то укладывают, а я уже почти ничего не понимаю, потому что новая боль накрывает так, будто тело ломают изнутри.

– Шейка раскрыта, – быстро говорит врач. – Четыре пальца. Рожаем!

Рожаем.

Слово бьет по голове.

Нет. Нет, нет, нет! Не сейчас. Не так. Не здесь. Не одной.

– Влад... – хриплю я, уже почти ничего не видя. – Влад!

Это вырывается само собой.

В этом хаосе, в этом ужасе он – единственное, за что я еще могу держаться.

– Помоги... – шепчу, мечась на кушетке. – Пожалуйста... не уходи...

– Я здесь, – отзывается он сразу.

Сразу.

Без паузы.

И уже через секунду я снова чувствую его пальцы в своей ладони.

Крепко. Надежно. Так, будто он и правда никуда не денется.

Голоса вокруг звучат как сквозь воду.

– Муж? – быстро спрашивает акушерка. – Отец ребенка? На родах остаетесь?

И тогда я слышу его голос.

Четкий. Спокойный. Такой уверенный, будто он сам уже все решил.

– Да.

.

Глава 7

Ася

– Ты вообще понимаешь, что творишь? Ты в курсе, сколько мы законов нарушили?

– Я ее увезу...

– Да кто она тебе такая? Ты с ума сошел?

– Не знаю... Да! Плевать на все! Не могу ее бросить!

Голоса прорываются в мое сознание, словно сквозь вату.

Я в палате. Послеродовое.

Разум заботливо подсовывает воспоминания...

Крики акушерок, тяжелые схватки. Очень тяжелые. Было больно. Прибегал анестезиолог, о чем-то говорил с врачом... Единственное, что я поняла, что колоть эпидуралку поздно. Роды стремительные.

И единственным, за что я держалась, было...

Боже...

Это первое, что я вижу, приоткрыв глаза.

Запястья Влада.

Истерзанные, исцарапанные, местами до крови.

Он не отходил от койки ни на секунду.

Утирал мне пот, держал, когда я кричала от боли, заставлял дышать, когда я не слышала врачей.

И в этот момент у меня рождается тот же вопрос:

– Почему? – хлопаю я глазами. – Почему ты это все для нас делаешь?

Он вздрагивает, оборачивается.

Все это время он сидел и смотрел на малышку в прозрачной больничной люльке. Она здесь, со мной в палате. Тихо сопит, смешно морщит носик. Наверное, ее уже докормили смесью. Сама я еще не смогла.

После родов ее на мгновение опустили мне на живот. Пожилая акушерка помогла приложить ее к груди, но сил у меня почти не было.

И вот теперь она спит рядом со мной, а Влад сидит и смотрит на мою дочь.

На мою дочь. Только мою.

– Привет, спящая красавица! – произносит он без улыбки.

Даже хмуро.

– Значит, слушай внимательно, – Влад вздыхает, полностью игнорируя мой вопрос. – У нас с тобой есть два варианта, – говорит, не глядя мне в глаза. – Первый – ты называешь свое настоящее имя, регистрируешь ребенка на мужа, говоришь мне «спасибо», и я исчезаю...

Он замолкает.

Я краснею, потому что как раз «спасибо», ни большое, ни маленькое, я ему еще не говорила.

И сейчас он не дает мне такой возможности.

Переводит взгляд на меня и продолжает:

– Или мы собираем вас и уезжаем отсюда очень быстро, потому что не регистрировать новорожденных дело подсудное, – он морщится. – Владелец клиники мой друг, и он может прикрыть, но совсем чуть-чуть. Остаться тут нельзя.

Я распахиваю глаза, пытаюсь понять, о чем он говорит...

– Куда ехать, я уже придумал, но такие вещи должна решать ты сама, – тихо добавляет Влад.

И в этот момент я слышу кряхтение из люльки.

Тот, кто привез нас в клинику, резко поднимается, и его лицо в доли секунды меняется. Складка меж бровей разглаживается, взгляд теплеет, даже, кажется, светлеет.

– Ну, привет! – здоровается он с ней первым.

Потом переводит взгляд на меня.

– Подать?

Не дожидаясь ответа, поднимает малышку.

Боже, в его ладонях она кажется совсем крохотной!

– Врачи сказали, все в норме. Доношенная. По какой-то там шкале восемь баллов, – рассказывает он, укладывая мою куклу мне под бок.

Она смешно морщит носик и крутит личиком, явно в поисках мамы...

– Как назовешь? – улыбается Влад, глядя на малышку.

Поднимаю на него взгляд и понимаю, что другого варианта просто быть не может.

– Владислава! – произношу удивленно, словно сама поражаюсь своему выбору. – Она жива только благодаря тебе!

– Да ладно! – он густо краснеет. – Нет! Ну, правда, нет! – отворачивается.

– Я не в том смысле, – мне вдруг показалось, что он не так понял.

– Да все равно! – мой спаситель упорно смотрит в окно, потому что малышка настойчиво рвется к моей груди.

– Мне кажется, это правильно, – улыбаюсь я.

– Ну не...

Но закончить этот спор мы не успеваем, потому что дверь в палату распаивается, и я слышу тот же голос, который доносился до меня сквозь сон.

– Миха, вы решили? Мне документы на ребенка оформлять! – требовательно произносит, похоже, главврач.

И в этот момент Влад поворачивается ко мне, наплевав на деликатность.

– Уезжаем, – отзываюсь я еле слышным шепотом.

И тут же жмурюсь, понимая, что проваливаюсь в бездну...

Я не знаю, как выберусь из этого. Но понимаю одно – возвращаться туда, где свекор контролировал каждый мой шаг, где муж использовал меня и моего ребенка как витрину, нельзя. Если обо мне сейчас узнают Пашницкие, то либо пропаду я одна, либо мы с дочерью обе. Третьего не дано.

Поэтому стискиваю зубы и заставляю себя собраться с духом. Мне предстоит сложный путь. Вероятно, нужно найти убежище, подавать на развод... Еще не знаю. Пока что моих сил хватает лишь на то, чтобы встать.

У нас в запасе несколько часов. Этот роскошный подарок нам дарит друг Влада.

– Миха, ты псих, – шепчет он ему, думая, что я не слышу.

Или не думая.

Не знаю. Мне все равно. Если честно, я того же мнения, но выбор у меня сейчас не велик.

У Пашницких я гарантированно все потеряю. А тут... Хотя бы есть шанс.

Пока медсестра учит меня мыть и переодевать доченьку, Влад уходит за машиной.

– Документы, – в палату заходит врач.

Он недоволен. Даже зол. Ясно, что он переступил черту ради друга и предпочел бы больше никогда меня не видеть.

– Девочка родилась здоровой. При стремительных родах рекомендована консультация невролога, – на стол с громким шлепком ложится папка. – Справка выписана на Михайлову Анну Сергеевну, – произносит врач, скривившись. – Если вы как-нибудь сможете доказать, что это вы, – он закатывает глаза, качает головой.

– Спасибо! – произношу горячо. – Я понимаю, чего вам это стоит. Спасибо.

Он смотрит на меня пару секунд, потом тяжело вздыхает, поджимает губы, резко разворачивается.

На секунду мне кажется, что я замечаю в его лице понимание или даже поддержку, но разглядеть ничего не успеваю. Он уходит из палаты.

Зато ж возвращается Влад.

– Поехали, – он вносит в палату автолюльку. – Тут недалеко. К ночи будем на месте.

– Влад, – зову его тихо. – Я хотела сказать...

– Не стоит благодарностей, – резко обрывает меня он.

– Нет, я... – кручу головой.

– А, не благодарность? Тогда слушаю! – кривится, словно сожалея.

– Да нет же! – выкрикиваю, не зная, смеяться мне или плакать.

В моем нынешнем состоянии хочется и того, и другого одновременно.

А Влад, довольно хмыкая, укладывает мою дочку в автокресло.

– Я... – сглатываю комок. – Я хочу знать, почему ты нам помогаешь? – ловлю его взгляд.

– Мне нужно знать, кому я доверяю дочь, – добавляю очень тихо.

– Нужно? – словно с вызовом переспрашивает он.

Но видя мой взгляд, чуть меняет тон:

– Ну хорошо, если нужно, то я расскажу.

.

Глава 8

Ася

Машина равномерно движется по трассе. Город остался позади, за окнами темнеют поля, редкие заправки, сонные поселки. Мы все дальше от прежней жизни и, кажется, все ближе к какой-то другой.

Ладушка, убаюканная тихим гулом мотора, сладко спит в своей люльке. Я сижу рядом с Владом. Жду ответа на свой вопрос.

Вообще-то в этой ситуации вопросы должен был задавать он. Но...

Влад обещал рассказать, и он помнит о своем обещании – это видно сразу. Сжимает руль так, что белеют пальцы, на скулах ходят желваки, дважды шумно втягивал воздух, будто собирался начать и оба раза молчал. Я не тороплю. Просто жду.

– Мне было двадцать три, – начинает вдруг он.

Я даже вздрагиваю от этих слов, хотя ждала их всю дорогу.

– Двадцать три? – переспрашиваю удивленно.

Даже для меня нынешней это почти юность.

– Ага, мальчишка совсем, – усмехается Влад. – Дурной и горячий, – произносит с той интонацией, с которой говорят о любимых, но очень проблемных детях. – Я в отца характером, – продолжает он. – Наперекор ему было пойти сложно, но я выторговал себе условие: сначала я делаю то, что хочет он, а потом то, что хочу сам.

Влад грустно усмехается, смотрит по боковым зеркалам, перестраивается, готовясь поворачивать.

– Получил образование, все возможные степени, даже съездил на стажировку за границу, – говорит он сухо. – А получив в диплом, сам пошел в военкомат в ближайший призыв.

Он плотно сжимает губы.

Я понимаю: о своем решении он не жалеет. Но именно там с ним случилось что-то такое, что до сих пор живет в нем занозой. Что-то, из-за чего он сейчас прячет меня от мужа, почти ничего не спрашивая.

Машина сбрасывает скорость, сворачивает в сторону поселков. Дорога становится ощутимо хуже, и Влад ведет аккуратнее, стараясь избегать ям и резких торможений. Я вижу, что в зеркало он поглядывает на люльку. Беспокоится о Ладушке.

– Ну ты помнишь, что в те годы творилось! Я, конечно, попал на самую что ни на есть настоящую войну, – усмехается он, – ее так не называли, но там люди стреляли в людей, а деревни выжигали дотла... Если это не война, то что?

Вопрос риторический.

Молчим оба.

Он – потому что снова там.

Я – потому что боюсь неосторожным словом причинить ему еще большую боль.

– Была весна, как сейчас. Мы вступали в приграничный городок, – он хмурится. – Деревушка скорее, чем городок. Частный сектор, одноэтажные домики. И вот из одного из таких на окраине, нам навстречу выбегает девочка. Пупок выше носа, как у тебя вчера, – он шумно сглатывает, опять надолго замолкает.

И я опять не тороплю.

– Она боялась, смертельно боялась, – его голос срывается. – Кричала, размахивала руками. Я видел ее глаза... – Влад переходит на сиплый шепот. – Она просто боялась...

Замолкает.

Это тяжелая, тягучая тишина.

Очень болезненная, почти смертельная.

– А у нас приказ был: к детям и женщинам не приближаться, – совсем другим голосом начинает он. – Их минировали. Они своих же женщин минировали. А эта еще и с животом...

И он снова недоговаривает.

И рассказ заново не начинается...

– Она погибла? – тихо спрашиваю я.

Не оборачиваясь, Влад коротко кивает.

– До сих пор не знаю, кто стрелял, – отвечает глухо. – Мне кажется, не наши, – он набирает воздуха. – Но ее глаза... – стискивает зубы, встряхивает головой.

И вдруг машина останавливается, а Влад поворачивается так быстро, будто больше не может держать это в себе:

– У тебя вчера были такие же!

И он выходит из машины.

Я вижу, что мы остановились в деревушке, которых вокруг столицы тысячи.

Крохотный неприметный домик, деревянный штакетник.

Против своей воли думаю, что Ладе тут будет хорошо, и улыбаюсь.

Влад не оборачивается. Он открывает забор, пропускает меня внутрь.

– Я не знаю, что у тебя произошло, это мне еще предстоит выяснить, – неожиданно для меня продолжает он, – но боялась вчера ты до смерти, – Влад выдыхает, и вдруг в его взгляде появляется боль и мольба. – Я не мог тебя оставить, – он качает головой. – В этот раз не имел права.

И он уверенно шагает на крыльцо.

– Ба! – шумит, толкая входную дверь. – Ба, ты дома?

А у меня замирает сердце!

«Ба»? Он привез меня к своей семье?

.

Глава 9

Ася

– Владик! Сокол ты мой!

Я от неожиданности слишком широко улыбаюсь, тут же смущаюсь, смотрю на Влада.

А он попросту смеется теплым тихим смехом.

– Ба Таня! – прижимает он к своей широкой груди низенькую полную старушку.

– Ба, это Ася! – поворачивается он ко мне.

И у меня аж отлегло оттого, что представили меня моим собственным именем.

В дороге я пыталась примерить на себя «Анну». Почти решила, что имя подходящее, на мое собственное похожее. А фамилия так еще и лучше!

Подумав про фамилию, я почему-то краснею. Хотя мысль-то невинная. Просто Михайлова гораздо благозвучнее, чем Пашницкая.

– Что ж ты!.. Да вы!.. Да... – старушка суетится, кажется расстроенной, в конце концов, замирает посеред прихожей и почти с отчаянием произносит. – Я ж и не готовила ничего!

– Ба, нам ничего не надо! – Влад целует ее в макушку и подталкивает к дому. – Нам бы только пожить у тебя несколько дней? – спрашивает он у нее таким тоном, словно заранее уверен в ответе. – Пустишь?

– О ты ирод! Еще спрашиваешь! – смешно ругается старушка и, будто ища у меня поддержки, смотрит на меня.

Я только улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Только мы не одни! – Влад уже сходит с крыльца к машине.

– А кто там еще? – подслеповато щурится его бабуля и тут же, увидев люльку, всплескивает руками. – Ой!

Закрывает рот обеими ладонями и так изумленно смотрит на меня, что я, кажется, снова заливаюсь краской.

– Ба, прикинь, ее зовут Владиславой! – он с гордостью подносит люльку с моей спящей доченькой своей бабуле. – Ладушка! – произносит Влад с такой теплотой в голосе, что, кажется, моя очередь удивляться.

И тут моя малышка начинает ерзать, кряхтеть, разевать ротик.

– Ой! Кушать ей надо! – всплескивает руками ба. – Чего мы стоим?! Давайте в дом!

Влад оборачивается, галантно подает мне руку, и я вдруг понимаю, что... Ни разу еще не касалась его в здравом уме...

И в то же время именно за эти руки я держалась во время родов.

То ли от осознания этого, то ли просто от усталости у меня вдруг по спине растекается невинное тепло, и ноги становятся ватными. Опираясь на предплечье своего защитника, я вхожу в дом.

Избушка внутри оказывается сильно лучше, чем я предполагаю. Уютная, добротная, теплая... В каждом чистом углу, в каждой вышитой салфеточке чувствуется рука хозяйки. Комнаты освещают теплые желтые лампы, от света которых становится настолько хорошо, что аж что-то щемит внутри.

Словно пришла я туда, где меня всегда ждали.

– Ты если покормить, то можно там, – махнула в сторону комнаты старушка.

Это, вероятно, зал или что-то вроде того.

У стены стоит старый, еще широкий телевизор. Судя по мирно спящему на нем коту, включают его не часто.

У окна – кровать, у стены шкаф.

Ничего лишнего, но и все необходимое на месте.

– Держи, тут подгузники и какие-то баночки Юрец для нее передал, – протягивает мне сумку Влад.

Я укладываю дочь, расстегиваю комбинезончик, достаю влажные салфетки...

В больнице нам заботливо положили крем, лосьон, молочко, присыпку... И даже банку со смесью на всякий случай.

Но я уже чувствую, что смесь не понадобится. Грудь горит от пришедшего молока.

С удовольствием ложусь на кровать, вытягиваюсь, кладу вдоль себя малышку.

Она моментально находит то, что ей нужно, и со знанием дела принимается добывать себе еду.

Это так умирительно и так волнительно, что я чуть не расплакалась, глядя на свою кроху. Такая маленькая, но такая настойчивая.

А в кухне тем временем слышен звон посуды и тихий шепот хозяйки.

– Я ж ничего не готовила! У меня ж только бульон! Ох! Слазь за огурчиками! И вот там подай пирожки!

Я улыбаюсь.

Меня, кажется, последний раз так встречала как раз бабушка, лет в двенадцать.

И вдруг эти тихие суетливые причитания прерывает настороженное:

– Владик, а они чьи будут? – обеспокоенно спрашивает Михайлова старушка.

– Мои, ба! – твердо отвечает тот, явно что-то откусывая. – Обе мои! – произносит он почти с гордостью.

– А, ну раз твои... – тянет старушка чуть обиженно.

И вопросов больше не задает.

Я слышу смех Влада. Он явно чмокнул ее или в щеку, или в макушку. Она смешно заругалась, шлепнув его, наверное, полотенцем.

И от этого простого домашнего шума, от их близости, от того, как легко Влад вписывался в это тепло, мне вдруг становится удивительно спокойно.

Он и здесь был своим.

Надежным.

Нужным.

Не только тем, на кого можно опереться в беде, но и тем, с кем можно посмеяться, накрыть на стол или отправить за огурчиками.

Мысли теснятся в моей голове, почему-то вызывая жар в груди. Я смотрю на дочь и думаю...

– Ну вы как тут? – заглядывает в дверь нетерпеливая ба Таня. – Наелись?

Она подходит к кровати и с такой любовью склоняется над моей дочкой, что мне даже в голову не приходит стесняться.

– Ой, ну надо же! – заахала ба. – А у Владика такое же пятнышко родимое! – ткнула она куда-то на плечико малышке.

– И правда! – я рассматриваю девочку.

У нее со стороны спинки на плече расцвела крохотная звездочка. И как только старушка ее разглядела?

– А ж его тоже прямо с роддома нянчила! – гордо отзывается ба. – Я няней ему была! Матушка его дюж занята всегда была, училась! Профессорша! А я нянчила! – заканчивает она с теплой улыбкой.

Я поднимаю взгляд на Влада.

Он стоит в дверях и с такой теплотой смотрит на нас троих, что я не могу не улыбнуться ему в ответ.

И только тут понимаю, что вообще-то я кормлю!

Но смутиться мне моя малышка не позволяет! Она тужит животик, подтягивает ножки!

– Ай молодец! – обрадовалась ба Таня. – Вот девочка умничка! – ее приводит почти в восторг наполнившийся вдруг подгузник. – Это дело нужное, важное! Так, – трогает она меня за плечо, – ты иди поешь, а я ее помою...

И бережно, но уверенно подхватывает мою Ладушку.

Мне и остается только что встать!

– Пошли, – кивает мне в сторону кухни Влад. – Тут у ба ничего нет, только лапша куриная, пирожки с картошкой, огурцы маринованные, паштет домашний и оладьи... А так ничего нет! – закатывает глаза он.

А я совершенно счастливо смеюсь! От этого теплого приема, от их легкой иронии любящих, близких людей, от этой обстановки родного надежного дома...

– Родители! – выныривает ба Таня из ванной с чистенькой и довольной Ладушкой. – Я вам там же в той комнате и постелю!

Она проплывает мимо нас, дико голодных и сонных, а я чуть не поперхнулась.

Родители.

Это слово ударяет как-то странно.

Неловко.

Сладко.

Опасно.

А Влад словно бы и не замечает, как его назвали.

– Я на полу лягу! – быстро шепчет он с набитым ртом.

– Не вздумай! – округляю глаза я.

Он же устал. Дико устал. Сейчас это видно по его лицу.

Кровать там широкая, да и... Между нами будет Лада в подушках.

Продолжить этот спор мы не можем, ба Таня выходит в кухню.

– Спит ваша красotka! – произносит она довольно. – Счастливое время, родители! Младенчики первый месяц едят и спят! – и она мечтательно закатывает глаза. – Вам, кстати, тоже пора, – тут же меняет тон ба Таня. – Где ванная, знаете, постельное я выложила, тикайте! – машет рукой. – А то уже почти полночь!

И мы оказываемся с Владом в темной деревенской спальне. Вдвоем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.